

8. Смирнова, Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие [Текст] / Т.Б. Смирнова – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 88 с.

9. Смольникова Н. Национальные репрессии и их влияние на современные этнополитические проблемы немцев Поволжья [электронный ресурс]. – Режим доступа.- <http://www.memo.ru/HISTORY/nem/Chapter6.htm>

10. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) [Текст] / Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М.: Наука, 1994. – 320 с.

11. Ткаченко А.А. История депортации народов России Поволжья [электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.memo.ru/HISTORY/nem/Chapter20.htm>, [Текст] / Российский демографический журнал. – 2002, № 1.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: «ПЕЧАТЬ» ДЕПОРТАЦИИ
Л.А. Бургарт,
Римско-католический приход Пресвятой Девы
Марины Святого Розария г. Усть-Каменогорска**

Процесс депортации немецкого населения СССР в период Великой Отечественной войны по своим масштабам, содержанию и последствиям является самым крупным и трагическим событием в истории российских немцев в XX веке. Депортация имела не только мощные ближайшие, но и переломные исторические последствия. Она не только определила судьбу немцев в тот – настоящий момент, но и наложила свою печать на будущее народа и даже на его прошлое. Речь в данном случае идет о процессе изучения истории немцев в постдепортационный период, о последствиях депортации для историографии российских немцев, в том числе и современной. Анализ состояния изучения истории немцев, как в период 40–80-х гг., так и в период 90-х – первое десятилетие XXI в., демонстрирует нам целый ряд масштабных последствий.

Одно из самых первых последствий – негласное «вето» на самоизучение истории, культуры, этнографии российских немцев. Отечественная историография российских немцев периода 40–80-х гг. XX века представлена лишь единичными работами, это ярко демонстрирует краткий библиографический указатель литературы за 1945–1991 гг., вошедший в качестве приложения в библиографический указатель Т.Н. Черновой «Российские немцы. Отечественная библиография. 1991 – 2000 гг.» [1, с. 210–263], 2-х томный библиографический указатель германского исследователя Д. Брандеса [2] и «Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960–2009 гг.)», составленная И.В. Черказыяновой [3]. Данные статистического сравнения защищенных диссертаций, в том числе, по периодам 1962–1991 гг. и 1992 – июнь 2009 гг. говорят сами за себя. Это была «тематика, в целом не пользовавшаяся спросом и стоявшая вне «соцзаказов» по известным политическим причинам» [1, с. 20]. Те немногие исследования, что были опубликованы в 50–80-е гг., затрагивают вопросы хозяйственно-экономической истории, политической истории дореволюционного периода, отдельные проблемы культурного развития (религия, язык). Эти работы, наряду с рациональным зерном, практически всегда несли на себе отпечаток политической конъюнктуры и господствующей идеологии. Писать о таких темах как «депортация», «трудармия», «спецпоселение» и вовсе было немыслимо. То, что публиковалось по истории российских немцев на Западе, также было не доступно в СССР.

Несмотря на довольно неоднозначное положение исторической науки уже в первые десятилетия советской власти, исследования по истории и этнографии немецкого населения в 1920–1930-е гг. все же продолжались, прежде всего, в Республике немцев Поволжья [4]. Исследователь В. Кригер отмечает: «Если до 1941 г. о поволжских немцах были изданы сотни популярных и научных книг, брошюр и статей, то за последующие 45 лет было разрешено опубликовать о них всего лишь одну статью в академическом сборнике трудов» [5, с. 46]. Депортация же окончательно нарушила преемственность в развитии изучения истории и культуры российских немцев. Мы вправе говорить о некоем «провале» в отечественной историографии российских немцев и, не умоляя заслуг исследователей-одиночек, о тотальном или близком к таковому, забвении их

истории. Немцы на долгие десятилетия были лишены даже того минимума истории, который имели народы в национальных и автономных республиках Союза. Тем самым был нанесен существенный удар по исторической памяти народа, по сохранению и передаче исторического наследия. Большая часть исторического наследия российских немцев осталась в прежних местах проживания немецкого населения до депортации. Депортация лишила немцев той части истории, что была до насильственного выселения. В первую очередь, это памятники материальной и духовной культуры, архивы и музеи. Целых полвека после депортации не делалось практически ничего для его сохранения и изучения этого наследия. В результате многое утрачено, к сожалению, безвозвратно. Процесс разрушения исторического наследия российских немцев в местах их прежнего проживания продолжается и по сей день, об этом наглядно свидетельствуют экспедиции в бывшие немецкие колонии [6].

Целые поколения российских немцев были лишены возможности изучать историю своего народа, передача исторических знаний в семье также происходила редко. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в отдельных семьях ретрансляция исторических знаний все же имела место. Могу сказать из личного опыта, что моей первой и единственной до начала 90-х гг. школой национальной истории была моя семья – небольшие рассказы бабушки и мамы из жизни семьи до депортации в Краснодарском крае, о лишениях и тяготах во время депортации, «трудармии», спецпоселения в Казахстане [7], которые я, будучи ребенком, с большим интересом слушала и просила рассказать еще и еще. Но чаще всего старшее поколение хранило молчание о прошлом. Передача исторических знаний (история семьи, история народа) на уровне семьи является важным пластом в процессе сохранения исторической памяти. Если бы немцам удалось сохранить этот пласт, даже в условиях длительного отсутствия собственной историографии, историческая память народа понесла бы гораздо меньшие потери. Депортация же не только отняла у них все то, что было в предшествующий период их истории, но и в значительной степени разрушила и деформировала историческую память, как важнейший составляющий компонент их этнической идентичности.

Одной из значительных проблем, с которой пришлось столкнуться исследователям при сборе воспоминаний немецкого населения, особенно в первые годы исследовательской работы, было особое психологическое состояние части респондентов при обращении к истории, которое характеризовалось страхом, нежеланием вспоминать и говорить о прошлом. В ходе депортации и постдепортационного периода процесс амнезии исторической памяти немецких этнических групп, начавшийся в 1918–1941 гг., еще более усугубился и достиг своего пика. Исследователь А.А. Герман отмечает: «... в послевоенные годы долговременная историческая память российских немцев претерпела существенную трансформацию. Страшные события недавнего прошлого: депортация, «трудармия», спецпоселение, когда речь шла о самом выживании российских немцев, заслонили собой все предыдущие события, сделав их малоактуальными, размытыми. Сработали такие свойства долговременной исторической памяти как ее бинарность (белое/черное, хорошее/плохое), избирательность (забывается то, что неприятно, остается в памяти то, о чем приятно вспоминать), символичность и мифологизированность (вместо точной передачи фактов и событий – предельная обобщенность образов, формирование позитивных символов)» [8, с. 65]. В качестве примера он приводит факты идеализации предвоенной истории немцев, истории Республики немцев Поволжья. К сожалению, эта «печать», оставленная депортацией на долговременной исторической памяти российских немцев, при отсутствии достаточно критичного подхода к такому источнику как воспоминания, отразилась посредством отдельных работ и на историографии.

Заботиться о сохранении и изучении своей истории – задача, в первую очередь, самого народа, но немцы были лишены этой возможности. Историки из среды самих российских немцев в постдепортационный период были редкостью. Невозможно было говорить о преподавании истории ни в школах, ни в вузах, куда немцы практически не имели доступа, ни о формировании каких-либо исследовательских центров или научных школ. Отголоски этого имеют место даже на современном этапе. В «Справочнике Международной Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) 1995 – 2010 гг.» среди 83 имен исследо-

вателей-членов Ассоциации, выходцы из числа российских немцев составляют 23 человека [9].

Одним из самых значительных последствий депортации для историографии и источниковедения российских немцев стала длительная закрытость архивов, отсутствие доступа к документам с грифами «секретно» и «совершенно секретно», в том числе и к источникам по теме депортации, «трудармии» и спецпоселения. Рассекречивание архивов в 90-е гг. шло медленно, следовательно, было затруднено и вовлечение документальных источников в научный оборот, и явно ощущался «источниковый голод» [10]. В начале 90-х появлялись отдельные небольшие журнальные публикации документов, и лишь в середине-второй половине 90-х гг. стали выходить сборники документов по истории немцев, при этом недостаток необходимых навыков и компетенции отдельных составителей обуславливали низкое качество некоторых сборников [11].

Следствием депортации стало также изменение географии архивов, содержащих материалы по истории немецкого населения. Основная масса документальных источников с момента депортации начинает откладываться в архивах новых регионов размещения немцев в Сибири, на Урале, в Казахстане, Средней Азии. Помимо центральных архивов, формируются многочисленные пласты местных региональных архивов. Изменение географии расселения немцев и увеличение степени дисперсности их размещения в процессе депортации обусловило в последующем и изменение «географии» исторических исследований. Когда стало возможным обращение к истории немцев, наряду с Саратовом, Волгоградом, Украиной, стали складываться региональные исследовательские центры в Омске, Томске, Барнауле, Оренбурге, Красноярске, Тюмени и др. [12].

О начале возрождения историографии российских немцев можно говорить лишь применительно к 90-м гг. XX в. «Провал» длиною в полвека, конечно же, не мог пройти бесследно. Вместе с тем, после полувекового молчания в отечественной историографии российских немцев начался настоящий исследовательский бум. Мы вправе говорить о первом настоящем мощном всплеске в изучении истории российских немцев в постдепортационный период. После десятилетий тотального молчания перед исследователями открылось широкое поле деятельности. Появились многочисленные статьи, монографии, сборники статей и документов, стали проводить-

ся региональные и международные научные конференции, началась защита кандидатских и докторских диссертаций по истории российских немцев, развернулась архивная и музейная работа. В 1995 г. была создана Международная Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), издается научно-информационный бюллетень Ассоциации «Российские немцы», на сайте www.rusdeutsh.ru создана Электронная библиотека литературы по истории и культуре российских немцев. Конечно же, отголоски полувекового молчания все это время давали знать о себе, многие проблемы приходилось разрабатывать буквально с нуля, и требовались многие годы для выхода историографии на уровень серьезных теоретических выводов и обобщений.

Следует также сказать, что депортация, как историческая тема, стала одной из наиболее активно изучаемых в историографии российских немцев. И именно здесь науке нужно было пройти один из наиболее сложных путей и преодолеть немало препятствий и сложностей, чтобы от работ публицистического и фактологического характера выйти на уровень действительно мощных теоретических исследований, имеющих под собой серьезную базу архивных источников и руководствующихся в своих выводах не эмоциями, а объективными научными принципами. К сожалению, целый ряд публикаций, посвященных проблеме депортации, «трудармии» и спецпоселения, порой носили излишне эмоциональный, далекий от науки характер. В некоторых работах появилась тенденция рассматривать всю историю российских немцев через призму трагедии депортации, при этом формировался стереотип «народа-жертвы, которого всегда и все, во все времена гнали, притесняли, наказывали» и т.п. Вырисовывалась весьма печальная картина, представлявшая все в черном цвете и не позволявшая, в силу своей эмоциональности, увидеть историю немцев в России во всем ее многообразии и богатстве, оценить ее в контексте истории государства и общества в целом.

Наиболее отчетливо «печать депортации» просматривается при обращении к так называемой «проблеме геноцида» или, правильнее сказать, к утверждению «некоторых политиков и историков из среды российских немцев о том, что у большевистского режима к советским немцам была особая ненависть, что по отношению ним и к их национально-территориальным образованиям проводилась

особая политика геноцида, сходная с той, что проводили германские нацисты в отношении евреев» [13, с. 22]. «Говоря о «геноциде в отношении советских немцев», сторонники этой идеи ссылаются, главным образом, на три важных периода в истории советских немцев, когда их судьба действительно подвергалась суровым испытаниям. Это: период «большого террора» 1937–1938 гг.; период Великой Отечественной войны – конкретнее – с сентября 1941 г. (депортация) до весны 1946 г. (ликвидация «трудармии»); послевоенный период 1946–1953 гг. (период юридически оформленного «немецкого» спецпоселения)» [14, с. 86].

Исследователь А.А. Герман, опровергал это утверждение, начиная с 1994 г., когда вышла его монография о немецкой автономии на Волге. Он неоднократно поднимал эту проблему в конце 90-х гг. [15], приводил научно-обоснованные аргументы о неправомерности данного утверждения, доказывая «что в основе политики сталинского режима по отношению ко всем социальным и национальным группам СССР лежал все-таки классовый подход и коммунистические доктринальные установки, а жестокое отношение к немцам вызывалось их недостаточной, с точки зрения режима, лояльностью к власти и историческими корнями, связывавшими советских немцев с Германией...» [14, с. 86]. Точку зрения Германа подтверждали и результаты, полученные другими исследователями. Но все это время продолжали выходить публикации, заявляющие о геноциде. В 2002 г. была развернута антинаучная компания критики взглядов Германа. Сторонники идеи о «геноциде в отношении немцев» по-прежнему абсолютизируют историю российских немцев и не рассматривают их положение в контексте общей человеконенавистнической политики тоталитарного режима в СССР. Объективные научные работы доказывают, что «... основанное на эмоциях и одностороннем подходе, политически заостренное употребление термина «геноцид» в конечном итоге ничего не дает для научного понимания характера и механизма дискриминации и репрессий в отношении российских немцев в предвоенный период, в годы войны и в послевоенное время» [14, с. 94]. Сегодня большая часть исследователей поддерживает сформулированные А.А. Германом положения о том, что «...политика большевистской власти по отношению к немецкому этносу в России и СССР – это в

большинстве своем политика дискриминаций и репрессий», определявшаяся следующими основными факторами:

1. Общей репрессивной политикой большевистского режима, вытекавшей из его внутренней природы;

2. Сложной адаптацией немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования, апелляцией с просьбами о защите при нарушении прав к Западу, т.е., к идеологическому и политическому противнику большевизма;

3. Отношениями между СССР и Германией. В частности, в экстремальных условиях войны большевистская власть, помня о слабой лояльности «своих» немцев, пошла на неадекватную перестраховку, подвергнув их депортации, «трудармии», спецпоселению» [13, с. 24].

И все же, утверждения о геноциде бытуют в литературе и по сей день. К сожалению, 70-летняя годовщина депортации вновь стала поводом для появления публикаций, муссирующих идею «геноцида».

С другой стороны, следуют упомянуть и о противоположной тенденции. Продолжительное отсутствие не только правдивой, но и вообще какой-либо информации о немцах («информационный голод»), способствовало формированию и длительному сохранению в общественном сознании образа «немцев-врагов и предателей», которых справедливо наказали. В начале 90-х гг. нередко можно было услышать утверждение о том, что депортация немцев была «оправдана интересами государствами, условиями военного времени» и т.п. Науке требовались годы, чтобы сломать ложные стереотипы восприятия и оценок. Но отголоски этого процесса слышны, увы, даже сегодня. До сих пор в отдельных научных работах продолжает бытовать утверждение об отсутствии репрессивного характера в действиях государственной власти в отношении депортированных народов и о том, что «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление ...» [16].

Это две крайние, необоснованные и тупиковые точки зрения, несущие на себе «печать» депортации в форме сверхэмоциональных оценок. «Постановка вопроса о геноциде в отношении российских немцев с научной точки зрения представляется необоснован-

ной и некорректной. Точно также достаточно сомнительным выглядит и поиск юридических зацепок для формулирования вывода об отсутствии состава преступления в действиях сталинской тоталитарной власти в 1941–1955 гг. по отношению к советским немцам» [14, с. 94].

И все же, несмотря на все сложности и трудности, имеющие место и в современный период, именно в исследовании проблемы депортации, «трудармии», спецпоселения современная отечественная историография достигла наиболее ощутимых и важных для всего процесса исследования истории российских немцев результатов. Это, однако, не означает, что работа завершена. За 20 лет сделано много, но существуют еще немало вопросов, требующих своей дальнейшей разработки. И 70-летняя годовщина депортации – основательный повод, для того, чтобы еще раз заявить о принципиальных объективных научных позициях отечественной историографии по этой проблеме и наметить дальнейшие направления и задачи исследовательской работы.

Нельзя не сказать и о таком существенном последствии депортации для историографии как формирование методологического подхода к истории российских немцев как к истории «единого народа». В начале – середине 90-х гг. вышел целый ряд публикаций, представляющих попытку воссоздать историю «немецкого народа» с момента переселения в Россию и до наших дней. Историографии потребовалось время, чтобы осознать, что «немцы в России, по крайней мере, до начала 1940-х гг. не представляли собой единого народа». При этом конфессиональный признак выделяется учеными как один из основных признаков классификации. Исследователем И.Р. Плеве получен очень важный методологический вывод о том, что «рассмотрение истории немцев в России возможно, оттачиваясь только от изучения отдельных социальных, конфессиональных и территориальных групп или сочетаний (например, социально-конфессиональных). Попытки их рассмотрения как единого этноса в России до 1917 г. неминуемо приведут к нарушению историзма в исследованиях, а настоящая история будет подгоняться под заранее определенные схемы» [17, с. 207–208]. Тем не менее, иногда все еще появляются работы, представляющие собой попытки некой «унификации» истории немцев в России.

Говоря о методологии и методологических подходах, следует, в этой связи, сказать, что одним из самых необратимых последствий процесса депортации, оставившим довольно мощный отпечаток и на историографии российских немцев, в том числе и современной, является разрушение традиционного принципа моноконфессиональности немецких поселений, составлявшего основу их этноконфессионального жизненного уклада. У лишенных, вследствие антирелигиозной политики предшествующих лет, всяких условий для полноценной религиозной жизни немцев к началу Великой Отечественной войны все же оставались их моноконфессиональные общины – последний оплот их традиционного, сформировавшегося на протяжении веков этноконфессионального жизненного уклада. В результате депортации большая часть моноконфессиональных лютеранских, католических, меннонитских сельских поселений, а значит и религиозных общин во всех регионах, из которых осуществлялось принудительное выселение немцев, прекратила свое существование. В ходе депортации не только были ликвидированы поселки немцев различных конфессий, но был нарушен сам традиционный принцип моноконфессиональности поселения. Жители некогда единой моноконфессиональной общины по прибытию к новым местам поселения в Сибири, Казахстане и Средней Азии размещались в разных населенных пунктах. Депортация, в этом смысле, создала качественно новые условия для дальнейшего разрушения и коренной деформации этноконфессионального сознания [18].

В предшествующие периоды у различных групп немецкого населения наблюдалось исключительное преобладание конфессионального самосознания над этническим. Безусловно, оно отчасти сохранилось и в последующие десятилетия (прежде всего, у старшего поколения). Однако, в то же время, общность судьбы всех конфессиональных и территориальных групп немецкого населения СССР в период войны, более тесное соприкосновение между собой в условиях депортации, «трудармии», спецпоселения способствовали некоторому усилению этнической составляющей самосознания немцев разных исповеданий. Депортация, в определенном смысле, создала предпосылки для формирования понятия «советские немцы». В результате разрушения религиозного жизненного уклада, со временем наблюдалось все большее снижение уровня религиозного сознания, в итоге, у немцев, представлявших прежде

одну из самых религиозных групп населения России и СССР, религия из фундаментальной основы жизнедеятельности трансформировалась в один из компонентов, причем не всегда имеющий место.

К сожалению, именно эта «постдепортационная» картина наложила существенный отпечаток на принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в жизни немцев в России и СССР и написанию их истории [19]. И хотя современная отечественная историография практически безоговорочно признает роль и значение религии в жизни различных групп немецкого населения, выделяет религиозный признак как один из принципов классификации немецкого населения, указывает на отсутствие единого этноса до депортации, осознает необходимость изучения истории веры и Церкви, располагая при этом целым рядом крупных исследований, подтверждающих фундаментальную роль религии, веры, Церкви в целом ряде сфер жизнедеятельности немецкого населения (принцип поселения и образования колоний, школьное образование, традиционная культура, семья, быт, мораль и др.), парадокс и проблема в том, что это не влечет за собой принципиальных изменений в методологических подходах к написанию истории немцев России в целом. По-прежнему отсутствует единый принцип подхода к вопросу о роли и месте религии в жизни различных групп немецкого населения на различных этапах истории. Порой случается, что религиозный компонент сегодня полностью исключается из программ опросов, проводимых в ходе различных этнографических, социологических, демографических, диалектологических исследований. Отсутствуют отдельные комплексные исследования, посвященные внутренней жизни различных этноконфессиональных групп немцев, в основе которой была религиозная община. Сложившаяся в историографии противоречивая картина является производным следствием депортации. С одной стороны мы видим, что религия действительно на протяжении длительного периода являлась основой жизнедеятельности различных групп немецкого населения в России. Вплоть до начала депортации религиозная община выступала в качестве основной формы самоорганизации немцев, проникающей во все остальные формы и сферы жизнедеятельности (семья, школа, традиционная культура, хозяйственная жизнь, мораль, правовые нормы, быт и т.д.) обеспечивающей сохранение этноса в

иноконфессиональном, иноэтническом и иноязыковом окружении. История немцев в период до депортации была историей конфессиональной. Депортация же не только разрушила моноконфессиональный уклад жизни немецкого населения и вызвала дальнейшую трансформацию роли религии из фундаментальной в «компонентную», но и, в своих исторических последствиях, наложила существенный отпечаток на современную историографию истории немцев в России, лишив конфессионального характера не только историю советского, но и предшествующего – дореволюционного периода. Методологически, религии, несмотря на признание ее важности, в современной отечественной историографии отводится место лишь «компонента», «фактора» в ряду других компонентов и факторов исторического развития немцев. Между тем, глубокое исследование религии, веры и Церкви в проекции на всю систему внутренней жизнедеятельности, прежде всего, немецких и менонитских колониетских общин, насущно необходимо в свете особого соотношения этнического и конфессионального в истории различных групп немецкого населения в России. В целом, мы имеем довольно неплохую базу научно-исследовательских результатов, но требуется доработка и переосмысление методологических подходов к религии и религиозной жизни немцев России в контексте этноконфессиональной истории в целом (особенно для периода до депортации).

В заключение необходимо сказать, что одни последствия, оставленные депортацией в проекции на отечественную историографию, носят необратимый характер, и не в наших силах что-то исправить. В этом смысле, полувекое молчание историографии немцев было частью политики тоталитарного режима, которую известный казахстанский писатель Герольд Бельгер характеризует как «научный манкуртизм» [20, с. 212–219] (манкурт – среднеазиатский пленник, превращенный варварским образом – с помощью натянутой на голову мокрой, вывернутой на изнанку верблюжьей шкуры, в раба – обезличенного, лишённого памяти о прошлом, не помнящего кто он, откуда родом-племенем). Невозможно вернуть полвека истории и повернуть какие-то процессы вспять. Но есть определенные положения, которые являются производными проявлениями «печати» депортации и, которые мы, как исследователи, можем и обязаны сегодня исправить и изменить, ведь с момента депортации немцев минуло уже 70 лет. Задача истории, как науки,

исследовать историю и извлекать из нее практические уроки, а нести на себе десятилетиями негативную «печать» последствий того или иного исторического явления или процесса.

Список источников и литературы:

1. Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991 – 2000 гг. [Текст]. М., 2001. – 272 с.
2. Brandes D., Busch M., Pavlovic K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.1. Von der Einwanderung bis 1917. [Текст]. München, 1994. – 370 с.; Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.2. Von 1917 bis 1998. [Текст]. München, 1999. – 988 с.
3. «Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.): Справочник [Текст] /Сост., ред., авт. вступ. ст. И.В. Черказьянова. Спб., 2009. – 286 с.
4. Арндт, Е.А. Историко-этнографические исследования в немецких селах Поволжья в 1920-1930-х гг. [Текст] //Немцы России и СССР: в 1901–1941 гг. Материалы международной научной конференции, Москва, 17-19 сентября 1999 г., М., 2000. С. 200–208.
5. Кригер, В. Исторический опыт российских немцев как составная часть коллективной памяти российского, казахстанского и германского обществ [Текст] //Международные исследования. Общество, политика, экономика. №2(3), 2010. С. 43-47.
6. Крылов, Н.В. Об экспедиционных исследованиях расселения меннонитов в 2000–2006 гг. [Текст] //Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 2(50), 2007. С. 9-13; Чернова Т.Н. О посещении бывшей немецкой колонии Екатериненфельд в Грузии [Текст] //Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 4(52), 2007. С. 10-11; Черказьянова И.В. Поездка в Николайполе [Текст] // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 4(52), 2007. С. 12-14 и др.
7. Бургарт, Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и положение в условиях режима-спецпоселения [Текст]. Усть-Каменогорск, 1997. – 251 с.; Бургарт Л.А. Немецкое

население в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.. Усть-Каменогорск, 2001. – 374 с.

8. Герман, А.А. Историческая память российских немцев как фактор самоидентификации [Текст] //Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы научно-практической конференции, 29 октября – 30 октября 2007. М., 2008. С. 63-67.
9. Международная Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995 – 2010. Справочник [Текст] /Науч. ред. И.В. Черказьянова; сост. И.В. Черказьянова, Т.Б. Смирнова. М., 2010. – 220 с.
10. Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. Анапа, 4-9 сентября 1996. [Текст] М., 1997. – 372 с.
11. Айсфельд, О.В. Рецензия на Каталог документов Российского государственного исторического архива [Текст] // НИБ, №1(33), 2003. С. 25-26; Айсфельд О.В. Рецензия на книгу: Брошеван В., Ренпеннинг В. Боль и память крымских немцев (1941-2001) [Текст] // НИБ, №2 (34), 2003. С. 25-26; Айсфельд О.В. Публикация исторических документов: по правилам или без них? [Текст] //НИБ, №2(34), 2003. С. 8-12.
12. 15-летие истории Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев в цифрах и фактах [Текст] // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 3-4(63/64), 2010. С. 3-5.
13. Герман, А.А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам [Текст] // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», проведенной Немецким культурным Центром им. Гете в Москве совместно с Обществом « Мемориал» 18-20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 17-26.
14. Герман, А.А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения [Текст] //Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы 10-й международной научной

конференции МАИИКРН, Москва, 18-21 ноября, 2003. М., 2004. С. 86-98.

15. Герман, А.А. Большевизм и российские немцы [Текст] // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва, 17-19 сентября 1998 г. М., 1999. С. 284-293.

16. Белковец, Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941 – 1945 гг.: Историко-правовое исследование. [Текст] Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003; Герман А.А. Отзыв на автореферат диссертации Л.П. Белковец «Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941 – 1945 гг.)», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук [Текст] // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 2(38), 2004. С. 11-13.

17. Плеве, И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России. [Текст] // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва 17-20 сентября, 1998. М., 1999. С. 203-208.

18. Бургарт, Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР: к вопросу о последствиях [Текст] // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21-24 октября 2010 г. М., 2011 (в печати).

19. Бургарт, Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР [Текст] // Депортация немецкого населения СССР в 1941 году и ее последствия: современные взгляды и оценки. Материалы XIV международной научной конференции, Саратов 26-30 августа 2011 г., М., 2011 (в печати).

20. Бельгер, Г. Терзания духа [Текст] // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Сост. Г. Анес. Алматы, 1998. С. 209-237.

РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕМЦЕВ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ:

ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ И ИСТОЧНИКОВ

Т.К. Щеглова,

Алтайская государственная педагогическая академия

Существует множество научных работ разного уровня, как на международном, общероссийском, так и на региональном уровне, посвященных вопросу принудительных переселений, их механизму, этапам. В том числе и на Алтае. И мало работ, посвященных адаптации и повседневной жизни депортированных российских немцев, взаимоотношениям с местным населением, вкладу депортированных немцев в экономическое и социокультурное развитие региона в 1940–1980-е гг. С одной стороны, интересным представляется изучение взаимоотношений немцев, как репрессированных «потенциальных врагов» и русских, как местных «воюющих» старожилов, условия и факторы отчуждения и сотрудничества в обычной жизни [1]. С другой стороны, как носителей разных этнических культур и традиций, отличавшихся разным историческим опытом социокультурного развития, профессионального и образовательного уровня и т.д. Заслуживает самостоятельного исследования и влияние немецкого депортированного населения на развитие алтайского села, поскольку подавляющее большинство депортированных были сельскими жителями. Если большинство этнических депортантов после реабилитации, вернулись на свою родину, то немцы, лишённые права на воссоздание Поволжской республики или создание национальной автономии, остались на Алтае. При этом, получив гражданские права, в т.ч. свободу передвижения, они более активно стали участвовать в социально-экономической и культурной жизни Алтайского края и многочисленных советских государственных кампаниях по развитию сельского хозяйства, в том числе освоения целинных и залежных земель.

Самостоятельное значение имеет и проблема формирования новых источников по означенной теме и введение их в научных оборот. Речь идет об устных исторических источниках. Часто к ним относят и воспоминания, как разновидность мемуаров. Хотя между устным историческим источником, как продуктом деятель-